

СМЕЛЫЕ И БЕССТРАШНЫЕ, С ЧИСТЫМИ МЫСЛЯМИ И ПОСТУПКАМИ (Параллели в судьбах Михаила Сеспеля и Николая Островского)

Прочитав заголовок статьи, кто-то из читателей наверняка обронит в мыслях: «Нашла о чём писать. В наше время вспоминать Сеспеля и Островского – это не актуально». Всё же хочется напомнить, что те ценности из разряда вечных, которыми обладали легендарные писатели, – честь, достоинство, смелость, стойкость, доброта, честность – будут востребованы во все времена, что и побудило меня подробно остановиться на их биографиях и рассказать о них молодому поколению.

В начале 20-х годов XX века «культура большевиков как партии всё ещё выдвигала на первый план такие ценности, как аскетизм, самопожертвование и служение революции, невзирая ни на какие трудности. Образ большевика подчеркивал прежде всего скромность, отсутствие эгоизма, преданность делу. Это был образ аскета, <...> образ бойца, прошедшего через невзгоды гражданской войны, воевавшего против белых, образ героя и победителя. Коммунист был героем, побеждавший несмотря на любые препятствия, это был организатор рабочих масс, <...> рыцарь ЧК в кожаной куртке»¹. Мечтая создать справедливую жизнь на земле, они – смелые и бесстрашные – не жалели себя ради достижения этой цели, многие из них прошли через аресты, ссылки, каторги. Это были люди с чистыми мыслями и поступками, высокой нравственности и морали, оставались таковыми до конца жизни. В сознании у некоторой части коммунистов образ борца и героя укоренился настолько, что они стремились к идеалу большевика: боролись против привилегий для новой элиты и сами отказывались от них. Писатели первого советского поколения Михаил Кузьмич Кузьмин-Сеспель и Николай Алексеевич Островский были как раз из числа таких, кто поверил в мечту о создании новой жизни со справедливыми взаимоотношениями людей.

Привилегированное сословие большевиков уже начинало пользоваться всеми благами жизни. «Ответственные работники (губернские председатели исполкомов и парторганизаций, высокопоставленные чиновники в органах власти. – А.А.) зачастую не разграничивали свои личные и государственные бюджеты, систематически пользуясь государственным имуществом как своим собственным. Более того, им не приходило в голову, что они этим самым нарушали какие-нибудь этические нормы. <...> Они были уверены, что имеют полное право пользоваться всем имуществом, состоящим под их контролем, потому что этим они подтверждали своё высокое положение в гос- и партаппарате, в глазах нижестоящих работников»². О большевиках, которые использовали конфискацию имущества буржуазии для самообогащения, М. Кузьмин-Сеспель 10 ноября 1920 года так записал в своём дневнике: «Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, я глубоко уверен, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми путями – абсурд. <...> Когда миллионы красноармейцев терпят холод и голод, неужели я вправе пользоваться материальным довольствием? Нет! Тысячу раз нет, <...> но не вижу я ни одного идейного работника, понимающего так эту истину». А Николай Островский «всячески, всеми силами противился» переходу на инвалидность в связи с тяжёлым хроническим заболеванием. Он предпочёл «гибель на боевом посту, а не на инвалидных задворках». Несмотря на «невыразимо тяжёлые условия» (слепоту и неподвижность – у него только руки сохраняли ещё небольшую подвижность), сначала с помощью специального «транспаранта», позже при содействии добровольных секретарей он писал роман «Как закалялась сталь». Даже когда по решению Правительства СССР в 1935 году ему была построена дача в г. Сочи и вручён орден Ленина, Островский даёт такое интервью

английской газете «Ньюс кроникл»: «Меня подстерегает гибель, и это усиливает жажду жизни. ...Я победил все трагедии своей жизни: слепоту, неподвижность, безумную боль. Я очень счастливый человек, несмотря на всё. И это не потому, что я достиг всего, что меня наградило правительство. Я этого ничего не имел и был также радостен. Поймите, это не было никогда целью моей работы. Пусть снова я завтра буду жить в маленькой, убогой комнатухе, мне было бы всё равно». Как сказал французский писатель, лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан, литературная слава, любовь всего народа, постоянная забота, которой окружило Островского правительство страны, не вскружили писателю голову, ему всегда были присущи простота и скромность, и таким он остался до конца.

С позиций наших дней возможно легче оценить события тех лет: всё-таки позади вековой опыт истории. За преданность делу коммунизма Михаила Сеспеля и Николая Островского можно назвать (многие и называют) фанатами идеи. Не раз приходилось слышать в наши дни из уст называющих себя интеллигентами людей: «Неужели нельзя было без всех этих лишений? Зачем так надо было надрываться?» Нельзя оценивать мироощущение людей 20-х годов прошлого века с позиций людей, живущих в третьем тысячелетии.

Несмотря на то, что судьбы чувашского поэта и русского прозаика разные, много у них общего – драматического и даже трагического. Сравните сами.

**Михаил Кузьмич
Кузьмин – Сеспель
(1899–1922)**

**Николай Алексеевич
Островский
(1904–1936)**

Дата и место рождения

16 ноября 1899 года, деревня Шугурово Шихазановской волости Цивильского уезда Казанской губернии (ныне д. Сеспель Канашского района Чувашской Республики). Первенец в семье. С малых лет какой-то излучающийся от Миши свет притягивал к нему внимание окружающих. Отец души не чаял в нём. Миша *был любимцем* в большой родне.

29 сентября 1904 года, село Вилия на Волыни, Западная Украина (ныне Острожский район Ровенской области Украины). Самый младший, *рос общим любимцем* в семье.

Родители

Отец Кузьма Федорович Федоров – крестьянин, имел двухклассное образование. Мать Агафья Николаевна Николаева – крестьянка, дочь языческого жреца (йомзи), *грамоте не обучалась. У деда по линии матери когда-то было крепкое хозяйство и большое состояние.*

Отец Алексей Иванович – унтер-офицер царской армии, потомственный военный, награжден двумя Георгиевскими Крестами за особую храбрость, самый грамотный в селе человек. Мать Ольга Осиповна (Иосифовна) – чешка, домохозяйка, *грамоте не обучена. Островские не принадлежали к бедным слоям общества.* Они начали бедствовать лишь в 1913–1914 годы из-за больших мировых потрясений.

Одаренность

Чтению, письму и русской речи отец научил Мишу ещё *до поступления в школу.* Среди

Еще до школы Коля *самостоятельно научился читать и писать,* поэтому в шесть лет

ровесников *отличался хватким умом, страстью к чтению, тягой к знаниям. Имел большие организаторские способности.* Выпускал школьную газету «Звездочка», писал стихи и заметки, хорошо рисовал, лепил из глины, вышивал, *имел хороший слух – пел в церковном хоре, играл в спектаклях.* Написанные им сочинения учителя читали в старших классах, представляя их как превосходный образец. Редактировал стихи и заметки других детей, сам же иллюстрировал их, авторам вместо гонорара отдавал свои рисунки.

Образование

В 1912 году *окончил образцовую начальную школу* при Шихазановской второклассной учительской школе *с похвальным листом*, в 1917 году – Шихазановскую второклассную учительскую школу. В сентябре 1917 года поступил учиться в учительскую семинарию г. Тетюши Казанской губернии, учился 2 года. *Совмещал учебу с работой*, но *не окончил семинарию* – был отозван на государственную службу. С 22 декабря 1918 года по 25 февраля 1919 года учился на курсах инструкторов-агитаторов при ВЦИК в Москве.

Болезнь

В 10 лет *заболел костным туберкулезом левой стопы.* Он не мог ходить, поэтому брат Гурий возил его на санках в школу. Лечение народными средствами не улучшило его физическое состояние. После лечения в больнице *врачи пришли к выводу: ампутировать левую ступню. Отец Миши не разрешил ампутацию* и забрал сына домой. В 1921 году *лечился в Евпатории*, в санатории «Галаса».

был принят в первый класс. Среди сверстников *отличался страстью к чтению, тягой к знаниям, обладал исключительной памятью, редким даром великолепного рассказчика. Имел большие организаторские способности. Писал заметки в школьную газету, участвовал в спектаклях, хорошо пел, играл на баяне.*

В 1913 году *окончил* церковно-приходскую школу в с. Вилия, в 1918 году – Шепетовское *двухклассное народное училище с похвальным листом.* В 1921 году – Высшее начальное училище (позже переименованное в Единую трудовую школу) в Шепетовке. В 1921 году поступил в Киевский железнодорожный техникум, *совмещал учебу с работой*, из-за тяжелой болезни *прервал учебу.* Будучи даже неподвижным, учился в Свердловском заочном институте.

Болел ревматизмом ног. Первые признаки болезни проявились в 16 лет. На строительстве узкоколейки заразился тифом, но сумел справиться с болезнью. С осени 1926 года прикован к постели: *костный туберкулез коленных суставов, полная слепота.*

Лечился в больницах, разных клиниках, санаториях. В 1922 году – на Бердянском курорте. *Вопрос об ампутации ног был поставлен* в 1924 году, но *Островский наотрез отказался: «Лучше пулю в лоб, чем остаться калекой!»* В 1924–1926 годах лечился в Харьковском медико-механическом институте. С декабря 1924 года по 24 июня 1925 года, с октября 1925 года по май 1926 года – в санатории Славянска. *В 1926 году находился на излечении в Евпатории*, санатории «Майнаки». В июне 1927 года лечился на курорте «Горячий Ключ». В 1928 году – в Сочи, на Старой Маесте. Осенью 1929 года – в клинике 1-го Московского государственного университета. Проведенная 22 марта 1930 года экспериментальная операция по удалению парашитовидной железы не только не улучшила состояние его здоровья, но навсегда лишила надежды на выздоровление. Костный туберкулез коленных суставов впоследствии перешел в анкилозирующий полиартрит (постепенное окостенение суставов).

Трудовая деятельность

С малых лет приобщился к земледелию. В детстве любил ходить в ночное – пасти коня. В 11 лет начал работать переписчиком в Шихазановском волостном правлении (работал 3 года). С 22 мая 1919 года – следователь, затем председатель Тетюшской судебно-следственной комиссии. С июля 1920 года эту должность *совмещал с работой заведующего Тетюшским уездным РОСТА.* С 4 сентября по 1

С 12 лет начал работать кубовщиком в железнодорожном буфете, затем помощником электромонтера на станции Шепетовка, подрабатывал выгрузкой запасных частей к паровозам. *Участвовал* в строительстве железнодорожной ветки в Киеве, затем – *в борьбе с бандами* в пограничных районах Украины. *В период учебы в техникуме работал*

декабря 1920 года – *председатель Ревтрибунала Чувашской Автономной Области (ЧАО)*, с 22 октября по 27 декабря 1920 года *по совместительству работал заведующим отделом юстиции ЧАО*. С 7 ноября по 27 декабря 1920 года – *член Чувашского облисполкома*, с февраля по 11 мая 1921 года – *сотрудник переводческо-издательской комиссии при Чувашском отделе Наркомнаца*. С сентября 1921 года по февраль 1922 года *мобилизован в Красную Армию – Киевский запасный телеграфно-телефонный учебный полк*.

С 14 марта по 15 июня 1922 года – *делопроизводитель Остёрского уездного земельного комитета на Украине, инспектор Комитета (тройки) по оказанию помощи голодающим при земкоме*.

Общественная работа

Еще до образования комсомола (в марте–апреле 1918 г.) *организовывал и руководил городским союзом трудящейся молодежи* в г. Тетюши. *Один из первых комсомольцев*, с осени 1918 года – *заместитель председателя Тетюшского уездного комитета РКСМ*. С 15 декабря 1918 года – *член РКП(б)*, по 1919 год – *инструктор Тетюшского уездного комитета РКП(б)*, с 1 января по 1 марта 1920 года – *агитатор, ответственный организатор и председатель Тетюшского уездного комитета РКСМ*. С 7 сентября по 1 октября 1920 года – *член Чувашского областного комитета РКСМ*. С 7 февраля по 11 мая 1921 года – *член Чувашского обкома РКСМ*.

Участие в боях

Первая мировая война. *Добровольно ушел на фронт*, служил во фронтовой санитарной дружине, участвовал в боевых операциях в Минской губернии летом и осенью 1916 г.

Гражданская война. Когда началось наступление Колчака на Симбирск и Казань, *добровольно записался* (10.08.1918 г.) *в Красную Армию* и служил в штабе военного коменданта г. Казани до начала декабря 1918 года.

Семейное положение

Холост. Безответно любил Анастасию Александровну Червякову, русскую женщину, замужнюю, старше себя на 10 лет, приемную дочь симбирского купца П. Сыромятникова.

Верные друзья

В. Дмитриев, М. Каштанов, А. Ласточкин, С. Коричев не побоялись взять на поруки Сеспеля, арестованного по ложному доносу в период жизни в Чебоксарах. Ф. Пакрышень и К. Турган *помогали решать и бытовые, и материальные проблемы* в киевский и остерский периоды жизни. В последние два месяца поэт обсуждал свои произведения с Н. Рубис.

Душевные страдания, трагедии

Первой трагедией в своей жизни Сеспель считал невольное убийство отцом (в порыве гнева) своего же родного брата. За удар судьбы принял неверность

в Главных железнодорожных мастерских. В 1930–32 годы написал первую часть романа «Как закалялась сталь», в 1932–35 годы – вторую часть романа. В 1935–36 годы написал первую часть романа «Рожденные бурей».

Один из первых комсомольцев (в июле 1919 г. вступил в их ряды), *организатор первых комсомольских ячеек* в пограничных районах Украины. *Секретарь Берездовской районной партийной ячейки* (1923 г.). 9 августа 1924 года *принят в ряды КПСС*.

В июле 1919 г. *ушел на фронт добровольцем*. Сражался в частях кавалерийской бригады Г.И. Котовского и 1-й Конной армии (будучи в составе отрядов ЧК).

В ноябре 1926 года женился на Раисе Порфирьевне Мацюк, дочери давней подруги матери. Детей нет.

Родные и друзья были для него опорой и поддержкой. Революционеры-романтики И. Феденев, А. Жигирева, М. Пуринь, С. Малышев *помогали решать бытовые и материальные проблемы*, а чуть позже – и издательские. Всегда рядом были его мама Ольга Осиповна и сестра Екатерина Алексеевна. С весны 1930 года они не оставляли его до конца жизни. От одиночества его спасали библиотекари, работники книжных магазинов, которые ему приносили и читали книги.

Была *мальчишеская попытка самоубийства* из-за разорения их хозяйства и долгой разлуки с отцом. Неподвижность из-за неизлечимой

матери перед живым в то время ещё отцом: родилась девочка – шестой ребенок в семье. Ещё одной кровоточащей раной для него была безответная любовь к русской женщине. Арест по клеветническому доносу и неизлечимая болезнь – *костный туберкулез левой стопы* – значительно подорвали его физическое и душевное состояние. В последний год не давали ему покоя голод в Поволжье, введение НЭП. Нежелание стать обузой для других, тоска по родине, жизнь без родных и близких ему людей привели поэта к трагическому концу.

Выход из тяжелой жизненной ситуации

Ещё в стенах чебоксарской тюрьмы Кузьмин-Сеспель хотел свести счёты с жизнью – *пытался отравиться спичечной серой*. Поскольку ходить было невыносимо тяжело (кость левой стопы крошилась), считал, что верный путь из этого – самому уйти из жизни (его стихотворение «Мост перекиньте!» раскрывает душевное состояние поэта в то время). Существуют до сих пор две версии: первая, официальная – самоубийство, вторая – убийство. Был найден 16 июня 1922 года повешенным на липе близ с. Старогородка Остёрского уезда Черниговской губернии и похоронен спешно в тот же день без соблюдения христианских обрядов. Позже Ф. Пакрышень поставил памятник (юба) по древнебулгарским обрядам, со своим начерченным на нём стихотворением памяти Сеспеля. В 1954 году останки чувашского поэта (?) перезахоронены в парке города Остёр.

Первые публикации, издания

1918 г. – стихотворение «Обездоленных свет в непосильной борьбе...» напечатано в газете «Тетюшские известия» (г. Тетюши Казанской губернии). 1928 г. – *первое издание книги «Сăвăсем»* (стихи на чувашском языке), типография «Чувашская книга» (г. Чебоксары).

Всемирно известные произведения

Стихотворение «Пашня Нового Дня» (1921), теоретическая работа «Стихосложение и правила ударения» (1920). Поэт всемирную известность получил после выхода в 1969 г. книги «Пашня Нового Дня», в котором названное стихотворение дано в переводе на 50 языков мира. В настоящее время оно *переведено на 55 языков*.

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ

Именная премия

В 1966 году учреждена Молодёжная премия Чувашского комсомола *им. М. Сеспеля* в области литературы и искусства (с 1996 г. – премия Чувашского республиканского общественного благотворительного фонда имени Михаила Сеспеля).

Съёмки фильмов Киевской киностудией им. А.П. Довженко

По мотивам одноимённого романа Ю. Збанацкого в 1970 году снят художественный фильм «Сеспель». Режиссёр В. Савельев.

болезни – *костного туберкулеза коленных суставов* – доводила его до полного отчаяния. Не имея смысла в дальнейшем существовании, пытался свести счёты с жизнью («прострелил себе только макушку»).

«Сумей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Превозмогая боль, Островский начал писать роман «Как закалялась сталь». Верный своим принципам, до последнего дыхания оставался на «боевом посту»: закончил правку первой части романа «Рожденные бурей». Называл себя «парнем отчаянной жизни».

Умер 22 декабря 1936 года, не придя в сознание, после очередного приступа, связанного с болезнью почек. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

1932 г. – первая часть романа «Как закалялась сталь» публикуется в журнале «Молодая гвардия» (Москва). В 1934 году роман вышел *отдельной книгой* в издательстве «Молодая гвардия». В день похорон, 26 декабря 1936 года, вышла книга «Рожденные бурей».

Роман «Как закалялась сталь» (1930-1932гг., 1932-1934гг.), неоконченный роман «Рожденные бурей» (1935-1936 гг.). Всемирное признание пришло ещё при жизни. В 1935 году ему был вручён орден Ленина. Роман «Как закалялась сталь» *переведён на 131 язык мира*.

Литературный конкурс имени Николая Островского проводится с 1967 г.

В 1966 году учреждена премия Ленинского Комсомола, Николай Островский стал первым её лауреатом. Премия вручена вдове писателя.

По роману «Как закалялась сталь» трижды снят фильм «Павел Корчагин»: режиссёром М. Донским в 1942 году, по сценарии А. Алова и В. Наумова в 1956 году, режиссёром Н. Машенко в 1973 году.

Открытие музеев

Музеи Михаила Сеспеля открыты: на родине поэта (в 1972 году – школьный музей, с 1978 – общественный, с 1999 – филиал Чувашского национального музея), в 2003 году – в г. Чебоксары. В 1959 году открыт уголок, посвящённый Михаилу Сеспелю, в *Остёрском краеведческом музее*; в 1980 году – музей Сеспеля в *Остёрской средней школе №1 имени М. Сеспеля*.

Музеи Николая Островского открыты: в 1937 году в Сочи, в 1940 году в Москве, в 1946 году в Шепетовке. На родине писателя музей существует с 1951 года.

В биографиях и Сеспеля, и Островского «нет случайных событий, штрихов – все они пересекались с характерными явлениями эпохи, рисуя сложный портрет 20-х годов»³ прошлого века. «Тонкая интуиция в понимании общественных катаклизмов, самостоятельность, оригинальность творческого мышления в сочетании с необыкновенной силой воли стали основными свойствами ума, характера и их судьбой»⁴.

В начале прошлого века в семьях грамотными были, в основном, мужчины – отцы, у которых было большое стремление обучать своих детей грамоте. Кузьма Федорович Федоров, отец Михаила Сеспеля, имевший двухклассное образование, сам учил своих детей азбуке и русской речи ещё до поступления в школу. В округе он был авторитетным человеком, многие приходили к нему за советом. На сельских сходах К.Ф. Федоров заступался за односельчан. Его слово было весомым, решающим.

Семью Островских в селе также уважали. Алексей Иванович, военный в отставке, воспитывал своих детей в духе любви к Отечеству, являлся примером мужества и стойкости. Ольга Осиповна – его вторая жена. Первая, Иулия Прокопьевна Андрощук, была состоятельной женщиной. После её смерти Алексей Иванович остался с богатым наследством. Как отставной унтер-офицер, награжденный к тому же двумя Георгиевскими Крестами, получил большой земельный надел. До 1914 года он содержал корчму, чайную, мельницу. Пагубное пристрастие к карточным играм и введенный в 1914 году «сухой закон» привели хозяйство Островских в упадок. Надвигался фронт Первой мировой войны. Жена с детьми оставили Алексея Ивановича и уехали в Шепетовку.

После переезда в Шепетовку Николай (ему было тогда 12 лет) устроился работать, поэтому учился в Единой трудовой школе урывками целых четыре года. Отца не видел долго. Николай любил отца, переписывался с ним. В эти годы была мальчишеская попытка самоубийства из-за разорения семьи и долгой разлуки с отцом. Позже помогал материально, тяжело переживал смерть отца.

О переживаниях Михаила Сеспеля по случаю смерти отца говорят строки из его письма к Анастасии Червяковой, написанного 2 июля 1920 года: «Ещё одним роковым ударом судьбы в самое сердце, в самую суть моей жизни я был придавлен ужаснейшими минутами страданий, получив известие о том, что мой отец, в встрече с которым я только и дышал, скончался вдали от меня – покинутый всеми, одинокий, разбитый жизнью».

Среди сверстников оба будущих писателя выделялись страстью к чтению и образованию, способностью быстро всё схватывать, феноменальной памятью. Любимыми их книгами были «Овод» Э. Войнич, «Кобзарь» Т. Шевченко, произведения А. Пушкина и многие другие. И Михаил, и Николай учились на «отлично» по всем предметам, окончили школу с похвальным листом. Отличались большой организаторской способностью и активностью. Первыми приходили на помощь отстающим в учёбе, каждый стремился учиться дальше. Вместе с друзьями Михаил собирал книги для Народной библиотеки в г. Тетюши, а Николай организовывал подготовку уроков в школе из-за отсутствия учебников, собирал школьную библиотеку. Осенью 1918 года, узнав от учителя В.А.Никанорова, что голодают Сакулин и Коган, Сеспель взял на себя инициативу собрать для голодающих профессоров продукты питания, затем отправлял им посылки.

В Тетюшах было много разного люда: эсеры, меньшевики, большевики, анархисты и прочие. Но Сеспель поверил в идеалы революции, его симпатии были на стороне

большевиков. Поверив в новую жизнь со справедливыми взаимоотношениями людей, он боролся против несправедливости. Двадцатилетнему парню доверили пост Председателя Ревтрибунала Чувашской автономной области в 1920 году, а затем – пост заведующего отделом юстиции области. Честному, бескомпромиссному юноше противостояли чиновники, работавшие ещё при царском режиме и перешедшие на сторону Советской власти, – карьеристы и нечистые на руку бюрократы. Уличив трёх элитных чиновников из органов власти в злоупотреблениях служебным положением, Михаил Кузьмич представил рапорт в Ревком ЧАО, за что поплатился не только своей должностью, но и своим здоровьем. По клеветническому доносу он был арестован за поджог здания отдела юстиции, который случился через несколько дней после его отъезда. В тюрьме Кузьмин-Сеспель пытался отравиться спичечной серой. После полуторамесячной незаслуженной «отсидки» в тюрьме был выпущен на поруки товарищей...

В Шепетовке тоже «часто менялась власть: его поочередно занимали то немцы, то белополяки, «красных» сменяли «белые», петлюровцев – разные банды, которых тогда было немало. С детства отличавшийся обостренным чувством справедливости»⁵, Николай Островский тоже поверил в идеалы революции. Он часто исчезал из дома на продолжительное время, присоединялся к частям Красной Армии, выполнял задания подпольного ревкома, расклеивал листовки. Как и Сеспель, Островский дважды убежал на фронт, когда он ещё был мальчиком. Под влиянием старшего брата Дмитрия, активного коммуниста-подпольщика, пятнадцатилетний Николай вовлекался в операции по захвату паровоза и вывозке оружия. Из Шепетовки он ушёл со спецподразделениями ЧК, в пограничных районах боролся против банд. В 1923 году в Берездове его приняли кандидатом в партию, поручили руководить районной партийной ячейкой.

После смерти Островского были изъяты его медицинские карты, многие письма уничтожены. Чудом уцелевшие письма всё же восполняют некоторые пробелы в биографии Николая Алексеевича. В частности, ещё в 1922 году в письме к Люсе Бернфус Островский написал: «Я узнал, что в юношеских годах бывают такие наплывы бессознательного мрачного отчаяния, вызванного различными страстными желаньями понять смысл жизни и желаньями жить как можно так, как подсказывает сердце, желающее идеальной свободы, и кто слишком уж зашёл в этих размышлениях и от них перешёл к пробе жить и получал на каждом шагу слишком уж грубые пояснения, что таким дуракам не место здесь, среди толпы живущих здесь лишь голосом своего желудка, тот мог быть слишком уязвим тем недугом, что зовётся разочарованием. Люси, не считайте меня, мой друг, за мальчика, который, сидя, ничего не делая, вздумал разочароваться и мечтать о воздушных замках и идеальной свободе, равенстве и братстве. Порыв того желанья жить своей мечтой бросил меня в армию 1920 г., но я быстро понял, что *душить кого-то – не значит защищать свободу, да и многое другое*». Из этого письма далее становится известно, что он участвовал в усмирении шестой дивизии, но отказался участвовать в расстрелах. Тогда ему было 16 лет. За этот политический мотив он попал в Ревтрибунал, отсидел два месяца в заключении. Возможно, поэтому в учетной карточке от 15.11.1924 года в графе «участие в боевых действиях» Николай Островский поставил прочерк, в автобиографиях совсем не упоминал об этом.

22 октября 1927 года Островский написал своему другу П. Новикову письмо, в котором сообщает, что собирал писать «историческо-лирическо-героическую повесть». Написанные несколько глав повести послал боевым товарищам из дивизии Котовского, в Одессу. Но первый литературный труд был утерян почтой на обратном пути. В 1930 году начал писать роман о своем жизненном пути. Писал сначала сам, своей рукой, с помощью папки с прорезями. Но всё шло очень медленно. От этого Островский впал в депрессию. В любое время был готов уйти из жизни (его именной револьвер был всегда под подушкой). Вновь и вновь нависало дуло пистолета перед его глазами. Только в санатории его вывели из этого тяжёлого состояния.

Причиной глубоких переживаний и у Сеспеля, и у Островского было и серьёзное заболевание. У Островского прогрессирующий ревматизм ног перешёл в туберкулёз суставов. Адские боли не давали ему даже двигаться. По симптомам болезни медики предполагают, что у него могла быть болезнь Бехтерева. Этой наследственной болезнью болели молодые мужчины, которые доживали лишь до 30–40 лет. В 1926 году Островский лечился в санатории «Майнаки», в Евпатории. В этом же городе Сеспель лечился в 1921 году (в санатории «Таласа» от костного туберкулеза левой стопы). Оба знали, что их болезнь неизлечима, но спешили жить и творить для других, не задумываясь о личных проблемах. Болезнь Сеспеля начинает прогрессировать в чебоксарский период жизни, после пребывания в сырых тюремных подвалах. Ещё до ареста в своём дневнике 12 ноября 1920 года Михаил записал: «Какая космическая трагедия – сознавать, когда хочется, чтобы сердце звучало миллионами вечно-блаженных мелодий великого счастья строительства, борьбы, счастья от любимой женщины, – сознавать, что тело твоё разлагается, как у трупа, и нечем его остановить...». «Страдания Островского выдавали лишь в кровь искусанные губы»⁶. В интервью той же английской газете он говорил: «Я могу каждую минуту погибнуть. ... Это меня не пугает, вот почему я работаю, не жалея жизни. Будь я здоров, я сэкономил бы силы для пользы дела. Но я хожу на краю пропасти и каждую минуту могу сорваться. Я это твёрдо знаю».

Как и Сеспель, Островский пронёс свои чувства к Люси Беренфус через всю жизнь. Так же, как и Сеспель перед Анастасией, он полностью открывал свои чувства только ей. В мае 1926 года в санатории «Майнаки» в жизни Островского появляется Марта Пуринь, латышка по национальности, холодная по натуре, старше Островского на девять лет. Именно М. Пуринь посоветовала ему записать воспоминания, в то время это было актуально. После санатория, для закрепления результатов лечения, осенью 1926 года Островский поселился у старой подруги своей матери – в семье Мацюк. Здесь он подружился с их младшей дочерью Раей. Целыми днями читал книги. В сентябре 1926 года Николай уезжает в Москву к Марте Пуринь с надеждой на взаимные чувства: «Хотя ты и советовала не предпринимать далеких путешествий, я всё же приехал, и надеюсь, ты меня не прогонишь...» Увидев в её квартире мужчину, попросил лишь помощи в своём трудоустройстве. Каких усилий стоило ему тогда проявить мужество и перебороть в себе чувства к Марте. В ноябре 1926 года, после возвращения в семью Мацюк, Николай с Раей начали жить как муж и жена. С этого момента Рая становится его опорой и помощницей.

Сохранилось около ста писем, написанных с июня 1919 по май 1921 года М. Сеспелем к А. Червяковой, из которых можно составить целую поэму любви. Михаил влюбился в Анастасию с первого взгляда. В неё нельзя было не влюбиться: её глаза – цвета полевых васильков – были очень выразительными. Они встречались в течение девяти месяцев. Их взаимоуважение скоро переросло в любовь. Но Анастасия (старше Михаила на 10 лет) была замужем, поэтому не могла ответить взаимностью. Судьба разбросала их в разные стороны. Червякова уехала в Симбирск. Сеспеля отозвали на государственную службу в Чебоксары, только что созданную Чувашскую автономную область. Как бы ни тянуло их друг к другу, не суждено было им встретиться вновь. Анастасия была музой для чувашского поэта.

И чувашский поэт, и русский писатель были людьми разносторонне одаренными. По природному дару Сеспель был художником. «Он тонко чувствовал не только мелодию родного слова, но и гармонию колорита древней орнаментальной вышивки, узоров деревянной резьбы и даже в рисунках зимнего окна находил сходство с «дремотным, сонливым» пейзажем своей родины. Имея опыт реформаторства в литературе, он не замедлил бы и с решением теоретических и практических задач в чувашском искусстве»⁷. Михаил Сеспель и известный чувашский художник Алексей Кокель в Харькове при встрече обсуждали судьбу чувашского искусства. Именно по рекомендации Кокеля Михаил Сеспель поступил учиться в Киевскую художественную школу.

Известный театральный режиссёр В. Мейерхольд после посещения 25 апреля 1936 года прикованного к постели слепого, но «настолько жизнерадостного, настолько энергичного» Николая Островского рассказал актёрам своего театра: «Такая необычная культура, такое необычное проникновение в правду жизни, такая способность понимать, что такое искусство...»

«С переходом к нэпу, когда власть партии большевиков укрепилась, строгое выполнение аскетических принципов <...> было несколько ослаблено. ...Аскетизм эпохи гражданской войны уступал место этике наслаждения жизнью... Всё более проявлялось, что, по их мнению, они своим вкладом в победу заслужили свои привилегии. Были случаи самоубийства тех, кто считал НЭП предательством революции. Чувствовалась... некая растерянность, неуверенность в будущем»⁸. В конце 1922 года, после введения НЭП начались разочарования и у Островского. Три месяца он мучился, боролся против самого себя, чтобы не покончить жизнь самоубийством. «Прострелил себе только макушку»: заметный шрам над правым глазом – это следы собственного ранения. Слепнуть начал он из-за этого ранения, «помогли» долгие чтения в темноте, на книжном складе портовой библиотеки Новороссийска.

Большие перемены в самой партии коммунистов, а также сталинская репрессия, не дали бы жить таким, как Сеспель и Островский. В 32 года не стало Николая Островского. «Страшно подумать, что было бы с Островским, не умри он своей смертью в 1936 году, или, рискну добавить, не прикрой его судьба болезнью», – напишет уже в наше время публицист, критик в области литературы, театра и кино Лев Аннинский. Сеспелю было 22 года, когда ушёл из жизни. Не будь ложного обвинения против него, окажись рядом с ним его мать Агафья Николаевна или любимая женщина Анастасия-Нуся, возможно, и он пожил бы чуть подольше и издал бы книгу своих стихов, да и многое успел бы сделать для родной республики. Известно, что в последнее время он уже приступил к подготовке издания своих стихов. Но судьба распорядилась иначе: жизнь оборвалась внезапно и таинственно, многие его стихи впоследствии были безвозвратно утеряны.

Николай Островский написал книгу жизни – книгу о мужестве и стойкости человека. В ней нуждались не только физически, но и духовно сломленные. Оценивая не столько писательский талант, сколько мужество человека, эмигрировавший в своё время русский прозаик и драматург В. Максимов написал о нём так: «Личность Николая Островского стала символом эпохи и символом торжества человеческого духа, тех вершин мужества, на которые может подняться человек». Чтение романа «Как закалялась сталь» помогло обречённым на инвалидность людям, которые смогли преодолеть тяжелый недуг, вновь обрели смысл жизни с помощью Корчагина-Островского. Многим из них роман продлил жизнь на десятки лет. Сама жизнь Николая Островского и его книга стали учебником мужества для миллионов людей.

Михаил Сеспель вошёл в историю чувашской литературы не только как поэт и основоположник новой чувашской поэзии, но и как человек честный, неподкупный, справедливый. Передовая чувашская интеллигенция называет его *эталон*ом национальной совести. Николай Островский вошёл в историю человечества не только как писатель, но и как «человек беспредельной стойкости и мужества»⁹.

Источники

¹ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. – 2004. – №8. – С.83.

² Там же, с. 85.

³ Воробьев М.Н. Сеспель и чувашское изобразительное искусство // Поэтика Сеспеля (материалы региональной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Михаила Сеспеля). – Ч., 1991. – С.91.

⁴ Там же.

⁵ Альбом-выставка «Николай Островский. 1904–1936. Страницы жизни». – М., 2004. – С.2.

⁶ Там же, с.3.

⁷ Воробьев М.Н. Сеспель и чувашское изобразительное искусство // Поэтика Сеспеля (материалы региональной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Михаила Сеспеля). – Ч., 1991. – С.85.

⁸ Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. – 2004. – №8. – С.88.

⁹ Альбом-выставка «Николай Островский. 1904–1936. Страницы жизни». – М., 2004. – С.2.

Л и т е р а т у р а

Альбом-выставка «Николай Островский. 1904–1936. Страницы жизни». – М., 2004. – 23 с.

Балабанович Е.З. Островский Николай Алексеевич. – БСЭ. – С.588.

Бровкин В.Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопросы истории. – 2004. – №8. – С. 83-98.

Воробьев М.Н. Сеспель и чувашское изобразительное искусство // Поэтика Сеспеля (материалы региональной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Михаила Сеспеля). – Ч., 1991. – С.84–91.

Кузьмин Г. Пиччем сӳнчен. – Ш., 1973. – 79 с.

Кӳвар чӳре. Поэт сӳнчен аса илнисем. – Ш., 1979. – 180 с.

Михаил Сеспель. Дорогая моя, лучезарная (Письма на чувашском языке в переводе

Ю. Семендера). – Ч., 1989. – 113 с.

Наш Сеспель. – Ч., 1999. – 263 с.

Николай Островский – человек и писатель в воспоминаниях современников (1904–1936). – М., 2004. – 253 с.

Прокопьев И.П. Верность долгу. – Ч., 1999. – С.5–10.

Çеспӗл Мишши. Çырнисен пуххи. – Ш., 1999. – 383 с.